

Макаренко Нелли Григорьевна

**Имущественные преступления в российском праве
в XVIII – начале XX вв.
(историко-правовое исследование)**

Специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Нижний Новгород – 2012

Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Научный руководитель: **Биюшкина Надежда Иосифовна,**
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Официальные оппоненты: **Печников Андрей Павлович,**
доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права МГЮА им. О.Е. Кутафина

Золотухина Наталья Михайловна,
заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры дисциплин государственно-правового цикла юридического факультета Университета РАО

Ведущая организация: **ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы»**

Защита состоится «28» марта 2012 года в 10 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212. 166.6 при ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603115, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, 23.

Автореферат разослан «_____» _____ 2012 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

Л.П. Ижнина

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В процессе политических, социальных и экономических трансформаций, происходивших в России в последнее десятилетие XX века и продолжающихся в настоящее время, появились изменения в различных сферах общественной жизни, обострились социальные проблемы и противоречия. Нерешенность проблемы экономической занятости населения, имеющая место маргинализация общества, растущее имущественное неравенство граждан, усложнение финансовых отношений в банковской сфере, появление рынка ценных бумаг, создание акционерных обществ, бирж, а также научно-технический прогресс – все эти факторы в определенной степени повлияли на обострение криминальной ситуации и особенно на увеличение количества преступлений имущественной направленности. По статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, из 1143,8 тысяч преступлений, зарегистрированных в январе-мае 2010 г., почти половину (45,1%) составили совершенные различным путем хищения чужого имущества¹.

Продолжительная дискуссия по поводу выбора подходов к определению критериев криминализации имущественных правонарушений, отсутствие единой последовательной политико-правовой позиции в отношении деяний, посягающих на собственность, подтверждают необходимость изучения накопленного исторического опыта с целью извлечения из него наиболее эффективных подходов к решению данной проблемы. Ее исследование в условиях рыночной экономики требует изучения и в исторической ретроспективе, что позволяет понять процесс генезиса данных деяний и их уголовно-правовой квалификации, определить тенденции развития и выработать правовые меры противодействия.

Имперский период в истории России имеет значение для исследования генезиса указанной проблемы, так как именно политические и социально-экономические реформы, происходившие в государстве в это время, обусловили формирование и развитие российской уголовно-правовой доктрины, важнейшие

¹ <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/>

положения которой сохраняют свое теоретическое и прикладное юридическое значение и в настоящее время.

В дореволюционном имперском Российском государстве не только накапливался опыт выявления и пресечения преступлений, но также формировалась и обобщалась судебная практика защиты и восстановления нарушенных в результате преступных посягательств, имущественных прав индивидов и юридических лиц, что важно и в современный период. Отмеченные аспекты обусловили актуальность темы исследования.

Степень научной разработанности темы. В современной российской юридической науке вопросы имущественных преступлений имперского периода относятся к числу малоизученных. Исследователи дореволюционного периода Н.С. Таганцев, В.Н. Латкин, В.А. Гольцев рассматривали понятие «преступление» в русском уголовном праве. М.Ф. Владимирский-Буданов особое внимание уделял трактовке субъекта преступления. Изучением видов имущественных преступлений имперского периода и их классификации занимались Э.Я. Немировский, А.Ф. Кистяковский, А.Н. Круглевский, И.Я. Фойницкий². Имущественные преступления И.Я. Фойницким классифицировались как посягательство на собственность государства, против общества и против частных благ.

Теоретико-правовым аспектам имущественных преступлений имперского периода посвящены исследования советских авторов: Ю.Г. Алексеева, О.И. Чистякова, М.М. Исаева, С.В. Юшкова³. Вопросы дифференциации имущественных преступлений рассмотрены Ю.Г. Алексеевым. Понятие «кража» детально исследовано М.М. Исаевым, С.В. Юшковым, а также Л.В. Черепниным, А.И.

²Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права / Э.Я. Немировский. – Одесса: Одесполиграф, 1917; Кистяковский А.Ф. О нарушении уставов монетных. Историко-юридическое исследование В. Сокольского, Киев, 1873 г. / А.Ф. Кистяковский // Журнал гражданского и уголовного права. – 1873. № 6; Круглевский А.Н. Имущественные преступления / А.Н. Круглевский. – СПб.: Типография Одиноч. Тюремь, 1913; Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Типография Стасюлевича, 1912.

³ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время / Ю.Г. Алексеев.- М.: Наука, 1980; Чистяков О.И. Рецензия на книгу С.И. Штамм «Судебник 1497 г.» / О.И. Чистяков // «Советское государство и право». – 1956. - № 9; Исаев М.М. Уголовное право Новгорода и Пскова XIII-XV вв. / М.М. Исаев. - М.: Институт Истории АН СССР, 1948; Юшков С.В. История государства и права СССР / С.В. Юшков, Ч. 1– М.: Институт Истории АН СССР, 1947.

Яковлевым⁴ и др.

Современные исследователи И.А. Покровский и В.И. Тюнин⁵ уделяют внимание видам имущественных преступлений имперского периода. В.И. Тюнин считал, что с развитием гражданского общества усложнился объект правовой охраны имущественных преступлений: помимо права собственности, владения, пользования и распоряжения, сюда начали относить «имущество вообще».

Систематизации законодательства и характеристике источников права имперского периода посвящены работы О.И. Чистякова, Т.Е. Новицкой, С.В. Кодана⁶. Несмотря на значительное количество работ общетеоретической и отраслевой направленности, научно-правовой литературы, целый ряд аспектов данной проблемы до сих пор остается не раскрытым в отечественной историко-правовой науке, другие лишь обозначены в трудах российских ученых. В настоящее время нет работы, посвященной комплексному исследованию имущественных преступлений в российском праве имперского периода. Так, не исследовано присвоение имущества, не в полной мере проанализированы виды мошенничества. Реализация цели и задач данного исследования может способствовать восполнению данных пробелов и т.п.

Объектом исследования является совокупность социально-экономических и политико-правовых отношений, сложившихся в Российском государстве в XVIII – начале XX вв., в контексте государственно-правовой защиты субъектов имущественных отношений, а также криминогенная обстановка как фактор совершения имущественных преступлений.

⁴ Псковская Судная грамота. Новый перевод и комментарий Л.В. Черепнина и А.И. Яковлева // Исторические записки. – Т. 6. - М.: Институт Истории АН СССР, 1940.

⁵ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Квест, 1998; Тюнин В.И. Экономические преступления в системе дореволюционного уголовного права (эволюция научных представлений) / В.И. Тюнин // Государство и право. – 2000. – № 11.

⁶ Законодательство Екатерины II: В 2-х т. Т. 1 / Под ред. О.И. Чистякова, Т.Е. Новицкой. – М.: Юридическая литература, 2000; Кодан С.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / С.В. Кодан // Источниковедение истории государства и права / Под ред. Е.А. Скрипилева. – Иркутск, 1983.

Предметом диссертационного исследования является формирование и эволюция понятия «имущественное преступление», его состава и классификации в отечественной уголовно-правовой доктрине XVIII – начала XX вв., а также выявление основных направлений развития уголовного законодательства в сфере охраны, защиты имущественных прав подданных от преступных посягательств в изучаемый период.

Хронологические рамки исследования – XVIII – начало XX вв. Нижняя граница исследования определена началом XVIII в. в связи с введением Артикула Воинского 1715 г., в котором законодатель впервые употребляет современный термин «преступление» для обозначения уголовно-наказуемого деяния. Артикулом Воинским 1715 г. регламентируются новые виды имущественных преступлений: кража во время наводнения и пожара, военных действий в освобожденном от врага городе, из военных хранилищ, во время караула, кража, совершенная караульным, а также несколько специальных видов краж: кража человека (похищение), кража в походе, что обусловлено формированием абсолютизма в России, усилением роли государства, его диктата и активного вмешательства, в том числе и посредством права, в общественное развитие.

Верхняя граница исследования определена началом XX века, так как революционные процессы, происходившие в стране, полностью изменили теорию, законодательство и юридическую практику по имущественным преступлениям.

Целью диссертационного исследования является определение эволюции понятия «имущественное преступление», элементов его состава и классификации, выявление особенностей опыта борьбы с имущественными преступлениями в контексте исторического изменения социально-экономических и политических факторов, определявших уголовно-правовую доктрину Российского государства в имперский период.

Для достижения данной цели предлагается решение следующих **задач**:

– провести сравнительно-правовой анализ понятия «имущественное преступление» в России в XVIII – начале XX вв., определив тенденцию его развития;

- исследовать и классифицировать элементы состава преступления, выявить их специфику в указанный период;
- на основе теоретико-правового анализа дореволюционных доктрин и законодательства определить классификации имущественных преступлений;
- выделить критерии классификаций по различным признакам, предлагаемых учеными;
- проанализировать специфику практики реализации уголовного законодательства по борьбе с имущественными преступлениями;
- выявить статистику в сфере имущественных преступлений на основе архивных материалов.

Методологические основы исследования. Диссертационная работа основана на применении диалектико-материалистического метода. Автором использовались общенаучные методы познания: дедукции и индукции, синтеза и анализа, системный метод. Их применение позволило изучить отдельные виды имущественных преступлений с последующим обобщением полученных знаний; соотнести точки зрения представителей дореволюционной правовой мысли на понятие имущественного преступления, его состав и виды с заранее сформулированной моделью современного подхода к пониманию указанных проблем; изучить элементы состава имущественных преступлений в их единстве и взаимосвязи.

К частноправовым методам познания относятся формально-юридический, проблемно-категориальный, сравнительно-правовой, системно-исторический, метод сравнительного и ретроспективного анализа и историко-политического толкования права. С их помощью исследовалось нормативное содержание изучаемых правовых источников. Правовые явления были освещены в связи с социально-историческими и политическими условиями в хронологической последовательности.

Теоретическое основание диссертационного исследования. Важную роль для настоящего диссертационного исследования сыграли монографические исследования дореволюционных, советских и современных авторов, теоретиков и

историков государства и права, специалистов уголовного права: Н.С. Таганцева, М.Ф. Владимирского-Буданова, И.Я. Фойницкого, В.А. Гольцева, В.Н. Латкина, Э.Я. Немировского, А.Ф. Кистяковского, А.Н. Круглевского, С.В. Юшкова, Ю.Г. Алексеева, М.М. Исаева, И.А. Покровского, В.И. Тюнина, О.И. Чистякова, Т.Е. Новицкой, С.В. Кодана, А.П. Печникова, В.К. Бабаева, С.С. Алексеева и др.

Эмпирическую базу исследования составили кодифицированные акты: Артикул Воинский 1715 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в ред. 1866 г. и 1885 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Устав Уголовного Судопроизводства 1864 г., Устав Гражданского Судопроизводства 1864 г., Уголовное Уложение 1903 г., нормативно-правовые акты, инкорпорированные по хронологическому принципу: Полное Собрание законов Российской империи в редакциях I, II, нормативно-правовые акты, систематизированные по отраслевому критерию: Свод законов Российской империи 1832 г., 1842 г., 1885 г. Указы императоров: Указ Екатерины II от 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов», Указ 1798 г. «О возрасте уголовной ответственности», Указ Екатерины II от 3 апреля 1787 г. «О разграничении видов имущественных преступлений». Подзаконные нормативно-правовые акты: Постановление Сената 1742 г. «О возрасте несовершеннолетия». Анализ законодательного массива позволяет проследить как динамику, так и содержание уголовного законодательства в сфере имущественных преступлений.

В исследовании использовались материалы Центрального Архива Нижегородской области, которые показали статистику дел по видам имущественных преступлений, систематизированных в хронологической последовательности и позволяющих выявить основные тенденции динамики различных видов имущественных преступлений, совершенных в России в имперский период – Ф. 874 Нижегородская губернская палата суда и расправы, Ф. 875 Арзамасская нижняя расправа, Ф. 1990 Лукояновская нижняя расправа, Ф. 876 Макарьевская нижняя расправа, Ф. 1471 Нижегородская нижняя расправа, Ф. 152 Ардатовский уездный суд, Ф. 153 Арзамасский уездный суд, Ф. 154 Балахнинский уездный суд, Ф. 1474 Варнавин-

ский уездный суд, Ф. 2040 Ветлужский уездный суд, Ф. 156 Горбатовский уездный суд, Ф. 157 Княгининский уездный суд, Ф. 159 Макарьевский уездный суд, Ф. 161 Сергачский уездный суд, Ф. 178 Нижегородский окружной суд, Ф. 179 Канцелярия Нижегородского окружного суда, Ф. 1986 Курмышский уездный суд, Ф. 158 Лукояновский уездный суд, Ф. 1475 Мадаевский уездный суд, Ф. 162 Нижегородский уездный суд, Ф. 1477 Перевозский уездный суд, Ф. 2259 Починковский уездный суд, Ф. 115 Нижегородский Губернский Магистрат, Ф. 117 Ардатовский городской суд, Ф. 118 Арзамасский городской суд, Ф. 119 Балахнинский городской суд, Ф. 120 Васильский городской суд, Ф. 122 Княгининский городской суд, Ф. 1988 Курмышский городской суд, Ф. 123 Макарьевский городской суд, Ф. 116 Нижегородский городской суд, Ф. 1854 Канцелярия председателя Нижегородского окружного суда, Ф. 185 городской суд г. Балахны, Ф. 184 городской суд г. Васильсурска, Ф. 186 городской суд г. Семенов, Ф. 350 Пристав Макарьевской части, Ф. 368 Нижегородское ярмарочное полицейское управление, Ф. 1397 Канцелярия Нижегородского временного генерал-губернатора, Ф. 1472 Нижегородский верхний земский суд, Ф. 1470 Нижегородская верхняя расправа.

Правоприменительная практика изучена по материалам Полного Свода Решений Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1867, 1868, 1869, 1873, 1874, 1875, 1900 гг.⁷ и другим актам официального делопроизводства⁸.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые проведено комплексное историко-правовое исследование отечественной уголовно-правовой доктрины в части имущественных преступлений. Проведен сравнительно-правовой анализ эволюции понятия «имущественное преступление», исследованы элементы состава преступления, их специфика, обоснована классификация

⁷ Полный Свод Решений Уголовного Кассационного департамента Правительствующего Сената. – Екатеринбург: Типография Когана, 1910.

⁸ Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства Государственных имуществ. – СПб.: Сенатская типография, 1871; Статистический временник Российской империи. – СПб.: Сенатская типография, 1866. – Ч. 1; Свод статистических сведений по делам уголовным за 1913 г. – Пг.: Государственная типография, 1916.

имущественных преступлений, выделены критерии классификации. Проанализированы изменения в нормативно-правовой базе и практика ее применения по борьбе с имущественными преступлениями в Российской империи. Статистика в сфере имущественных преступлений на основе архивных материалов и опубликованных источников доказывает постоянный рост имущественных преступлений, также позволяет выделить тенденции динамики совершения различных видов имущественных преступлений. Установлено, что по сословной принадлежности имущественные преступления, как правило, совершались представителями крестьянского и мещанского общества. Выявлены тенденции криминализации в зависимости от экономико-политических реформаций, проходивших на различных этапах развития Российского государства в изучаемый период. Доказано, что криминализации были присущи гендерная и геронтологическая характеристики, доминировавшие в период военных конфликтов.

В научный оборот введены материалы Центрального Архива Нижегородской области. Впервые предпринята периодизация динамики совершения тех или иных видов имущественных преступлений в Российском государстве в течение имперского периода. Впервые выявлены общие черты, основные направления борьбы с имущественными преступлениями на протяжении всего имперского периода, а также установлены отличительные особенности, присущие каждому хронологическому периоду в отдельности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сравнительно-правовой анализ понятия имущественного преступления свидетельствует о его трансформации от формального к общественно опасному. В начале XVIII в. имущественное преступление определялось как совершенное умышленно нарушение закона и царской воли в сфере имущественных прав. Законодательство второй половины XVIII в. под преступлением понимает деяние против общего и частного имущественного блага и только вследствие этого запрещенное законом.

2. По критерию общественной опасности понятие преступления в XIX в. отграничивается от понятия проступка (со времени Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.). Имущественным преступлением в XIX – начале XX вв. признается деяние, посягающее на чужое имущество, имеющее целью его незаконное присвоение различными способами, совершенное дееспособным лицом или группой лиц.

3. Субъект преступления в изучаемый период эволюционировал. До начала 40-х гг. XVIII в. понятие возраста наступления уголовной ответственности субъекта преступления не было четко установлено. Постановлением Сената 1742 г. оно определялось 17-ю годами, а в XIX в. возраст наступления уголовной ответственности дифференцировался. В XIX в. отечественной уголовно-правовой доктрине появилась теория о вменяемости лица, в контексте которой учитывались сомнамбулизм, душевные, психические болезни, глухонмота.

4. Внутренняя (субъективная) сторона состава преступления представляла собой изменяющееся понятие, под которым в XVIII в. понималось корыстное намерение присвоить чужое имущество. В XIX в. учение о внутренней (субъективной) стороне дополнялось терминами «умышленная виновность», «прямой», «непрямой» и «внезапно возникший» умысел, состояние умопомешательства.

5. Понятия предмета и объекта преступления в XVIII – начале XX вв. отождествлялись. В XVIII в. под объектом понималось имущество в юридическом и экономическом значении. В XIX в. эти характеристики усложняются, стала учитываться не только личная ценность имущества, но и рыночная. В физическом смысле объект определялся не только по существу, которое могло быть ничтожно, но и по своему особо ценному назначению (ассигнации, векселя и др.). Введены новые виды объекта: порох; ценные жидкости (вино, масло); дары природы; «светильный газ»; кислород, приготовленный аптекарским способом.

6. Понятие внешней (объективной) стороны преступления как его внешнего выражения было расширено в XIX в.: введено подразделение на действие и бездействие, тайное или явное деяние. Сформулированы понятия: бездействие в

форме невмешательства, причинно-следственной связи между деянием и его преступным результатом, смешанной формы активного и пассивного отношения лица к преступному результату и т.д.

7. Анализ уголовного законодательства имперского периода доказывает, что к имущественным преступлениям в XVIII в. относились присвоение чужого движимого и недвижимого имущества, кража, грабеж, поджог и насильственное истребление или повреждение чужого имущества. В XIX в. выделялось три вида похищения: тайное похищение (воровство-кража), похищение посредством обмана (воровство – мошенничество), открытое похищение (воровство – грабеж и разбой). Грабеж, в свою очередь, подразделялся на открытое похищение с насилием и похищение без насилия. В исследуемый период произошла дальнейшая дифференциация имущественных преступлений с целью выработки эффективного государственно-правового механизма борьбы с ними.

8. Развитие российского уголовного права XVIII – начала XX вв. характеризовалось криминализацией деяний имущественной направленности и усложнением понятия имущественного преступления. Повреждение имущества в XVIII в. квалифицировалось как деликт, в XIX в. стало подразделяться на простое, тяжкое и «общеопасное», являясь уголовно-наказуемым деянием. В начале XX в. этот вид имущественного преступления дифференцировался на повреждение, возникшее в результате поджога, взрыва или потопления.

9. В результате анализа правоприменительной практики по борьбе с имущественными преступлениями на основе исследования архивных документов и опубликованных источников выявлены тенденции криминализации в зависимости от экономико-политических реформаций, проходивших на различных этапах развития Российского государства в изучаемый период. Установлено, что криминализации были присущи гендерная и геронтологическая характеристики, доминировавшие в период военных конфликтов.

Теоретическая и практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования выводов диссертанта в дальнейших научных изысканиях по истории уголовного права России. Заключение автора призваны содействовать решению ряда дискуссионных проблем, связанных с развитием уголовно-правовой доктрины, в частности, учения об имущественных преступлениях и соответствующих глав уголовного законодательства.

Собранный юридический и фактический материал и сформулированные в работе выводы могут быть применены для усовершенствования действующего уголовного законодательства и послужить дополнением и иллюстрацией соответствующих курсов истории отечественного государства и права.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования отражены в публикациях автора и докладывались на научно-практических конференциях: Международная научно-практическая конференция «Инновации в государстве и праве России» (Нижний Новгород, 14-15 апреля 2011 г.), Международная научно-практическая конференция «Проблемы качества юридического образования в современной России» (Нижний Новгород, 25 ноября 2011 г.), Межвузовская научно-практическая конференция «Проблемы развития российской правовой системы» (Сочи, 21-22 апреля 2010 г.), 6-я Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы развития российской правовой системы» (Сочи, 20-21 апреля 2011г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы развития российского законодательства на современном этапе» (Сочи, 29-30 ноября 2011 г.).

Диссертационное исследование обсуждалось на кафедре теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Структура диссертационного исследования обусловлена поставленными целью и задачами: диссертация состоит из введения, трех глав, восьми параграфов, заключения, библиографического списка.

Основное содержание работы

Глава I «Понятие и состав имущественных преступлений в российском праве XVIII – начала XX вв.» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе *«Проблемы определения понятия имущественного преступления в трудах отечественных дореволюционных ученых-криминалистов и в российском законодательстве XVIII – начала XX вв.»* рассматривается эволюция термина «имущественное преступление».

В первой половине XVIII века имущественное преступление – это нарушение закона и царской воли в сфере имущественных прав, совершенное умышленно по преимуществу «лихими людьми». Наиболее общественно опасным являлось преступление против государственной собственности. Соответственно, под имущественным преступлением понималось деяние, нарушающее нормы, установленные государством, церковью и нравственностью, в области имущественных прав.

В Наказе Уложенной Комиссии 1767 г. Екатерина II определила понятие имущественного преступления как запрещенное законом деяние, противоречащее общему и частному имущественному благу. Данное определение являлось шагом вперед по сравнению с прежним, сугубо формальным понятием преступления, закрепленным в Соборном Уложении 1649 г., Воинском Уставе 1715 г. и других нормативно-правовых актах этого периода.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые в российском уголовном праве было разграничены понятия «преступление» и «проступок». Под преступлением (в т.ч. имущественным) понималось неисполнение предписаний уголовно-правовых норм.

Согласно российской уголовно-правовой доктрине имущественное преступление определялось как деяние, преследуемое в интересах общества, а не частного лица. Н.С. Таганцев понимал под преступлением деяние, посягающее на юридический интерес, охраняемый правовой нормой. В.А. Гольцев утверждал, что преступления, в том числе имущественное, есть переход за какой-либо предел,

нарушение чьего-либо имущественного права, указывая на то, что в большинстве случаев уголовные преступления являются в то же время и безнравственными деяниями. В.Д. Спасович считал, что преступления, в том числе и имущественные, являются уголовно наказуемыми, если они по разумному, согласному с природой вещей сознанию общества не совместимы с общежитием и не могут быть охраняемы иными, менее насильственными средствами.

Н.Д. Сергеевский определял, что понятию преступного деяния (и, следовательно, имущественного) присущи два признака: противоправность и наказуемость, которые обладали самостоятельным значением и не всегда совпадали. Н.Д. Сергеевский настаивал на первичности противоправности, а наказуемость относил к внешним признакам.

Таким образом, понятие имущественного преступления в имперский период эволюционировало, и к началу XX века оно определялось как деяние, посягающее на чужое имущество, имеющее целью его незаконное присвоение различными способами, совершенное дееспособным лицом. Следовательно, это деяние, противоречащее букве и духу закона, а также юридически неоформленной воле монарха.

Во втором параграфе *«Эволюция признаков субъекта и внутренней (субъективной) стороны состава имущественных преступлений в уголовно-правовой доктрине и законодательстве российского государства XVIII – начала XXвв.»* анализируются такие элементы состава преступления, как субъект и внутренняя (субъективная) сторона.

Изучение состава преступления в отечественном уголовном праве имперского периода, показывает, что его понимание учеными-криминалистами того времени значительно отличалось от современного. В действующем уголовном праве состав преступления включает в себя четыре элемента, в имперский период он имел другую форму. Исследователи Н.С. Таганцев, В.А. Гольцев, Н.Д. Сергеевский, Л.Е. Владимиров, В.В. Есипов выделяли внутреннюю, личную сторону преступления, под которой понималась совокупность субъекта и субъективной

стороны преступления и внешнюю (объективную) сторону. Исследуя состав преступления, В.Д. Спасович выделял в нем внешнюю (объективную) и внутреннюю (субъективную) сторону преступления, а также общий и особенный состав. Л.Е. Владимиров определял состав преступления как совокупность его признаков. В.В. Есипов различал юридический и фактический состав преступления, а также отделял субъект преступления от его внутренней стороны.

Субъект преступления в имперский период характеризовался сословной принадлежностью, возрастом и вменяемостью. До начала 40-х гг. XVIII в. в законодательстве понятие возраста наступления уголовной ответственности не было четко установлено. Высочайше утвержденным Постановлением Правительствующего Сената от 1742 г. возраст определялся 17-ю годами.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. дифференцировало возраст наступления уголовной ответственности: до 7 лет, от 7 до 14 и от 14 до 21 года. На практике данная классификация не оправдалась, нижний возрастной предел был увеличен до 10 лет. В Уложении 1903 г. было установлено наступление частичной уголовной ответственности в 10-летнем возрасте, несмотря на то что в замечаниях на проект многие из практиков высказывали пожелание повысить этот предел до 12 лет, а некоторые – до 14 и даже до 15 и 16 лет.

Указом Павла I от 1798 г. предельный возраст был ограничен 70-ю годами. Лица, достигшие 70-и лет, освобождались от телесных наказаний и клеймения, их разрешалось лишь отправлять в ссылку.

Наряду с возрастом характеристикой субъекта является вменяемость. В законодательстве XVIII в. предусматривается состояние умопомешательства. В Артикуле Воинском 1715 г. этот термин определялся как «лишение ума» и являлся обстоятельством, смягчающим или освобождающим от наказания.

В.А. Гольцев подчеркивал, что наказанию подлежит только вменяемое лицо, действовавшее сознательно. Н.Д. Сергеевский считал, что субъектом преступного деяния являлось лицо, обладающее определенными юридическими свойствами и силами, совокупность которых называлась вменяемостью. В.Д. Спасо-

вич утверждал, что субъектом преступления могло быть только физическое лицо, действовавшее сознательно, находящееся в состоянии вменяемости и нравственно свободное. В.В. Есипов определял состояние вменяемости как личное состояние преступника – совокупность сознательных и волевых способностей, заключающих внутреннюю возможность преступной деятельности. Воля и сознание являлись главными признаками вменяемости. Л.Е. Владимиров утверждал, что вменяемость – это необходимое условие для наступления ответственности перед законом.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ст. 95 указывало на безумие как на причину невменяемости, понимая под этим термином безумие от рождения. Сомнамбулизм являлся причиной невменяемости как состояние, представлявшее собой потерю сознания. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ст. 97 регламентировало состояние лунатизма. Состояние опьянения разделялось на полное и неполное, умышленное или невольное.

Внутренняя (субъективная) сторона в имущественном преступлении выражалась в корыстном намерении присвоить чужое имущество. В отношении умышленных деяний Воинский устав 1715 г., в отличие от Соборного Уложения 1649 г., различал «умышленные» и «предумышленные» деяния. К «умышленным» деяниям относились действия с внезапно возникшим умыслом, а к «предумышленным» – запланированные. С начала XIX в. в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии умопомешательства, было предписано освобождать их от суда и наказания, отдав на обследование «во врачебную управу», а в случае признания недееспособными – помещать в дома для умалишенных. Внутренняя сторона преступления в XIX в. включала умышленную виновность, прямой и «непрямой», внезапно возникший умысел, состояние умопомешательства, что свидетельствует о развитости норм уголовного права и учения о составе преступления. Таким образом, субъект и внутренняя сторона состава преступления представляли собой изменяющиеся понятия, основными аспектами этой трансформа-

ции следует назвать их усложнение, внутреннее структурирование и детализацию признаков элементов состава.

В третьем параграфе *«Трансформация объекта и внешней (объективной) стороны состава имущественных преступлений в российском праве XVIII – начала XX вв.»* исследуются объект и внешняя (объективная) сторона. В XVIII в. под объектом преступления понималось имущество в юридическом и экономическом значении. В XIX в. объектом посягательства являлось имущество в юридическом смысле этого слова, т.е. предметы гражданского оборота, имеющие известную рыночную ценность и принадлежащие кому-либо. Предметы, не представлявшие финансовую ценность, даже если для хозяина они имели большое значение, и бесхозные вещи (дикие звери и птицы), предметы, которые находились в общественном пользовании, но которые под влиянием некоторых обстоятельств приобрели свою рыночную стоимость (например, вода, продаваемая на улице), а также человеческие трупы не могли быть объектами преступного посягательства.

В Артикуле Воинском 1715 г. во внешней стороне преступления различался «голый» умысел, покушение и совершение преступления. В этом нормативно-правовом акте, как и в Соборном Уложении 1649 г., в некоторых случаях уголовной ответственности подлежал и «голый» умысел, подлежавший наказанию наравне с совершением преступления. В Наказе Екатерины II предусматривался запрет наказания только за умысел, не сопровождавшийся преступными деяниями. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. подразделяло деяния на действие и бездействие, не определяя их. В Уголовном уложении 1903 г. это разделение отсутствует.

Российское уголовное законодательство имперского периода предусматривало обстоятельства, смягчающие или исключаящие уголовную ответственность. К таковым относилась необходимая оборона, под которой понималась защита против нападения вменяемого лица вне зависимости от наличия умысла или неосторожности в его намерениях. Крайней необходимостью признавалось наруше-

ние «правоохраненного» интереса или неисполнение правовой обязанности.

Таким образом, состав преступления являлся постоянно развивающимся понятием в теории уголовного права изучаемого периода. Элементы состава как объект и внешняя (объективная) сторона преступления значительно усложнились. Объект стал рассматриваться с физической, экономической и юридической точек зрения, введены новые виды объекта (предмета). Понятие внешней стороны состава преступления было расширено, оно включало подразделение на действие и бездействие, тайное или явное деяние; разработана теория о невмешательстве, о причинной связи между деянием и его результатом, о смешанной форме активного и пассивного отношения лица к преступному результату; исследованы факторы, создающие опасность для жизни и здоровья и поэтому являющиеся условиями крайней необходимости; сформулировано понятие давности как обстоятельства, освобождавшего от наказания. Все это свидетельствует о развитии теории уголовного права, а также уголовного законодательства, в том числе и в отношении преступлений имущественной направленности.

Глава II «Классификации имущественных преступлений в российском праве XVIII – начала XX вв.» посвящена систематизации видов имущественных преступлений: кража, грабеж, разбой, поджог, мошенничество, повреждение и истребление чужого имущества и т.д.

В первом параграфе *«Кража как разновидность имущественных преступлений»* рассматривается данный вид имущественного преступления.

В Артикуле Воинском 1715 г. кража определялась как тайное похищение чужой собственности и подразделялась таким образом: похищение человека, которое наказывалось отсечением головы; кражи из намета, в поле и во время похода, каравшиеся отсечением ушей и носа; церковные кражи, за которые полагалось колесование. В царствование Екатерины II указом от 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов» впервые было смягчено наказание за мелкие кражи, к которым указ относил кражи «ценою ниже 20 руб.».

Г.Е. Колоколова определял, что кража – это умышленное тайное похищение

чужого движимого имущества с намерением противозаконного безвозмездного пользования им. В законодательстве XIX в. кража определялась как любое тайное деяние, совершенное без насилия и угроз, с целью похищения чужих вещей, денег или иного движимого имущества. Согласно Своду Законов Российской империи 1832 г., кража по подсудности, по объекту, субъекту, особенностям преступных действий и способу совершения подразделялась на воровство-кражу, воровство-мошенничество и воровство-грабеж. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. кражи дифференцировались на простые, легкие, тяжкие и квалифицированные. Проект Уголовного уложения 1903 г. предполагал упрощение определения кражи и упразднение ее классификации. В этом проекте кража именовалась воровством, которое определялось как тайное или открытое похищение чужого движимого имущества с целью его присвоения.

В параграфе втором *«Мошенничество, грабеж, разбой и присвоение чужого имущества как виды имущественных преступлений»* анализируются соответствующие виды преступлений. В Соборном Уложении 1649 г. под мошенничеством понималось хищение «мошны» или «из мошны», т.е. карманная кража. Аналогичное определение мошенничества содержалось в указе Екатерины II «О суде и наказаниях за воровство разных родов» от 3 апреля 1781 г. В Артикуле Воинском 1715 г. в отличие от других исследуемых нормативно-правовых актов понятие мошенничества отсутствовало. Мошенничество, также как и кража, разделялось на простое, легкое, тяжелое и квалифицированное. Простое мошенничество, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., – это всякое похищение чужого движимого имущества посредством обмана без предусмотренных законом отягчающих вину обстоятельств. Легким считалось мошенничество при добросовестном возврате похищенного, совершенное в обстоятельствах крайней нужды и незначительное по объему причиненного ущерба. Эти обстоятельства относились как к простому, так и к квалифицированному мошенничеству. В Уголовном уложении 1903 г. устанавливаются признаки легкого мошенничества. И.Я. Фойницкий отмечал, что понятие мошенничества сводилось к

умышленному, осуществленному посредством обмана, похищению чужого движимого имущества с целью его присвоения. Г.Е. Колоколов считал, что к понятию мошенничества относилось умышленное сокрытие подлинных физических, экономических и юридических характеристик предмета сделки и правового и социально-экономического положения ее субъектов.

В.В. Есипов утверждал, что при мошенничестве обман должен касаться существенных условий договора, сопровождающихся при этом изменением воли другого лица, и поэтому мошенничеством не признавался обман с целью выпросить милостыню или подарок.

Артикул Воинский 1715 г. грабеж трактовал как явное, но не всегда насильственное похищение чужой собственности и делил его на совершенный «невооруженной рукой» и «с оружием в руках». Наказ Екатерины II 1767 г. определял воровство с насилием и без него. В Указе Екатерины II от 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов» выделялось воровство-грабеж. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. это понятие классифицировалось на грабеж с насилием и без него. Грабежом признавалось любое незаконное изъятие имущества, принадлежащего или находящегося у потерпевшего, с применением насилия или угроз, не представлявших опасности для его жизни, здоровья, свободы. По Уголовному Уложению 1903 г. грабежом признавалось любое физическое насилие или угроза жизни, здоровью, свободе.

И.Я. Фойницкий грабеж обозначал как насилие над личностью, как средство хищения, которое включало своим непосредственным объектом человеческую личность. А. Лохвицкий отмечал, что если даже не было физического насилия, но существовало насилие моральное и если одно лицо в открытую брало вещь другого лица, то этим оно прямо показывало, что сопротивление потерпевшего и его призывы о помощи приведут к насилию со стороны преступника. Угроза в такой ситуации заключалась в самом характере деяния. Г.Е. Колоколов отмечал, что если нападение совершалось без оружия, то квалификация такого деяния зависела от угрозы нападения, влекущего опасность для жизни, здоровья и свободы лица.

В Артикуле Воинском 1715 г. разбой определялся как явное, всегда насильственное похищение чужой собственности. Под разбоем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. понималось нападение с целью похищения имущества с применением оружия или без такового, с нанесением телесных повреждений или приведшее к смерти потерпевшего. В Уголовном уложении 1903 г. первые два вида были объединены в одно понятие «разбой», а грабеж без насилия был отнесен к воровству.

Таким образом, понятие разбоя не модернизировалось, качественно не преобразовывалось. Г.Е. Колоколов, А. Лохвицкий, И.Я. Фойницкий выделяли существенный признак разбойного нападения – применение оружия, сопровождавшееся смертью, увечьем, ранами и угрозами иных действий, явно опасных для жизни, здоровья и свободы человека. А. Лохвицкий указывал на открытый характер нападения как качественную характеристику разбоя. И.Я. Фойницкий уточнял, что к признакам разбоя необходимо отнести насилие, предшествовавшее переходу имущества в руки виновного, а также следовавшее за переходом имущества к преступнику.

Незаконное присвоение чужого имущества в Соборном уложении 1649 г. не подлежало наказанию, относилось к деликтам и определялось как присвоение имущества, «запертого» и вверенного для сохранения; например, присвоение мастеровыми вещей, отданных им для починки. Впервые присвоение чужого имущества приобрело признак наказуемости согласно Артикулу Воинскому 1715 г. В первой редакции Свода законов Российской империи понятие незаконного присвоения имущества дополнялось необъявлением о находке. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. определялись такие понятия, как утайка найденной вещи и присвоение чужого вверенного имущества. В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. это понятие дифференцировалось на присвоение и растрату чужого движимого имущества, вверенного виновному для сохранения, перевозки или переноски, а также на присвоение находки и клада, если виновному был известен хозяин найденного. В Уголовном Уложении

1903 г. незаконное присвоение найденного имущества, в том числе чужого пригульного скота, обнаруженного на чужой земле клада и вверенного чужого движимого имущества на сумму свыше 3 р. наказывалось штрафом.

Г.Е. Колоколов формулировал определение понятия присвоения недвижимости посредством обмана как действие лица, которое, владея или пользуясь чужим недвижимым имуществом, а также, живя в нем по доверенности или иному договору, прибегало к обману с целью присвоения этого имущества.

И.Я. Фойницкий под присвоением чужого движимого имущества понимал простейшее корыстное имущественное посягательство, состоявшее в умышленном противозаконном удержании с целью обращения в собственность чужой движимой вещи, находящейся в обладании виновного, а также присвоение и растрату чужого движимого имущества, вверенного виновному для сохранения, перевозки, переноски или употребления.

В параграфе третьем *«Повреждение и истребление имущества как виды имущественных преступлений»* исследуются такие виды имущественных преступлений, как повреждение и истребление.

В XVIII в. повреждение чужого имущества квалифицировалось как деликт. В XIX в. это деяние уже являлось уголовно наказуемым. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., применялись различные термины: «повреждение чужого имущества», «повреждение или загромождение железной дороги», «причинение вреда судну», «потопление судна», «зажигательство и поджог», «истребление и повреждение». Все эти понятия в Уголовном уложении 1903 г. были заменены общим определением «повреждение имущества», которое подразделялось на простое, тяжкое и общееопасное. Простое и тяжкое повреждение, за исключением случаев, выделенных законодательством из имущественных посягательств, относилось к категории дел частного обвинения. Артикулом Воинским 1715 г. поджог определялся как разновидность повреждения или истребления чужого имущества. Поджог строений наказывался сожжением, а иного имущества – отсечением голо-

вы. «Зажигательство» в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. определялось как умышленное повреждение чужого имущества путем сожжения и подразделялось на поджог и «зажигательное» истребление. Устанавливалось, что предметом поджога могли быть лишь здания, корабли и лес. Предметом «зажигательного» истребления было любое другое имущество. В Уголовном уложении 1903 г. эта классификация упростилась.

И.Я. Фойницкий утверждал, что предметом наказуемого повреждения не могли быть вещи, никому не принадлежавшие на праве собственности; вещи, составлявшие общее достояние всех людей и никому в отдельности не принадлежащие, например, воздух. Но от предметов общего достояния необходимо, по его мнению, отличать государственное и общественное имущество, возмездно или безвозмездно предоставляемое в общее пользование, например, общественные сады, парки, музеи. Г.Е. Колоколов признавал, что повреждение имущества как совершившееся преступление следует считать с момента наступления такого изменения вещи, ввиду которого она без ремонта не могла далее служить своему прежнему имущественному назначению, а наказуемое покушение начиналось с момента «приложения сил» виновным с целью достижения результата. А. Лохвицкий утверждал, что поджоги – «истребление посредством огня» – различались по предмету, на который направлялась деятельность виновного. Поджог включал переходящее в пожар повреждение огнем строительных сооружений или чужого леса, а истребление огнем – всякого иного имущества.

Таким образом, исследуемый период характеризуется дальнейшей криминализацией деяний имущественной направленности. Если ранее имущественными преступлениями признавались лишь кража, поджог и грабеж, отождествляемый, как правило, с разбоем, то в изучаемый период уголовно-наказуемыми определялись такие деяния, как мошенничество, незаконное присвоение и повреждение чужого имущества. Кража дифференцировалась по объекту, по степени общественной опасности, по субъектам, сословиям, возрасту, вменяемости, по степени юридической ответственности. Грабеж подразделялся на открытое похищение с

насилием и без такового. Соответствующие изменения способствовали усовершенствованию уголовного законодательства с целью выработки эффективного государственно-правового механизма борьбы с имущественными преступлениями.

Глава III. «Особенности правовой деятельности государства по борьбе с преступностью в сфере имущественных отношений XVIII – начала XX вв.» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе *«Анализ правоприменительной практики Российского государства по делам об имущественных преступлениях (1700–1864гг.)»* на основе анализа судебной практики по делам об имущественных преступлениях в 1700-1864 гг., устанавливается, что в связи с реформами Петра I и Александра II резко ухудшилась криминогенная ситуация, которая, в частности, характеризовалась увеличением до 60 % количества имущественных преступлений и лиц, их совершивших. Среди общего числа преступников, посягавших на имущественные отношения, женщины составляли около 13 %, они в основном совершали воровство и мошенничество. В XVIII – середине XIX в. средний возраст мужчин, осужденных за совершение имущественных преступлений, составил от 21-го до 30-и лет. По сословной принадлежности около 75 % имущественных преступлений совершалось представителями крестьянского и мещанского общества. Установлено, что среди лиц, совершавших имущественные преступления, приблизительно 50 % – рецидивисты. Материалы Центрального государственного архива Нижегородской области, содержащие сведения о делах по имущественным преступлениям, показывают, что в рассматриваемый период было совершено 2486 имущественных преступлений, из них 1 % был рассмотрен в Нижегородской палате уголовного суда, 93 % – в уездных и городских судах и в Нижегородском губернском магистрате, 6 % – в Арзамасской, Лукояновской, Макарьевской и Нижегородской расправах.

По материалам Нижегородской палаты уголовного суда доказывалось, что было разрешено 25 % дел о кражах, 25 % – о поджогах, 25 % – о грабежах,

8 % – растратах 17 % – о насильственном завладении чужим имуществом. Уездными и городскими судами рассматривались 48 % краж, 8% поджогов, 21% грабежей, 8 % растрат, 2 % завладений чужим имуществом, 9 % мошенничеств и 4 % истреблений межевых знаков. В расправах было заслушано 38 % дел о кражах, 12 % – о поджогах, 22 % – об ограблениях, 5 % – о растратах, 10 % – о насильственном завладении имуществом, 3 % – о мошенничестве и 10 % – об истреблениях межевых знаков. Среди краж преобладали кражи скота и личных вещей у крестьян, а также мелких денежных сумм. Дела о государственных растратах являлись крайне редкими в практике судебного разбирательства из-за трудности доказательства, поэтому подобные случаи носили единичный характер. Удельный вес краж, грабежей и поджогов составлял примерно 75 %.

В результате анализа правоприменительной практики по борьбе с имущественными преступлениями на основе исследования архивных документов и опубликованных источников выявлены тенденции криминализации в зависимости от экономико-политических реформаций, проходивших на различных этапах развития Российского государства в изучаемый период.

Во втором параграфе *«Правоприменительная деятельность Российского государства по борьбе с имущественными преступлениями со второй половины 60-х гг. XIX в. до начала XX в.»* установлено, что в 60-е гг. XIX в. к началу XX в. каждое второе преступление совершалось против собственности. Примерно на 20 %. Возросло количество преступлений, совершенных женщинами. В 1916 г. количество имущественных преступлений, совершенных малолетними, увеличилось почти в 2 раза по сравнению с 1911 г.

В конце XIX имущественные преступления, как и ранее, совершались представителями низших сословий. Так, среди мещан, осужденных общими и мировыми судами, 74,1 % было привлечено к ответственности за кражу, мошенничество, присвоение, 3,8 % – за насильственное похищение имущества; среди крестьян – 74,7 % и 4,2 %. Соответственно среди дворян, лиц духовного звания, почетных граждан на

долю осужденных за такие преступления пришлось: 21,3 %; 1 %; 36,9 %; 1,5 %; 41,2 %; 1,3 %.

Среди лиц, осужденных за совершение имущественных преступлений, наиболее высоким был уровень совершения рецидива. В 1889-1893 гг. рецидивисты составляли 51,6% от общего числа осужденных за кражу и святотатство, 28,8 % от числа осужденных за насильственное похищение имущества, 14 % от числа осужденных за мошенничество, подлог и присвоение (уместно отметить, что в те годы все преступления против личности, равно как и служебные, религиозные, отличались незначительным процентом рецидивистов – от 2 до 5 % от общего числа осужденных за их совершение).

Статистика доказывает, что в начале XX в. имущественные преступления, как и ранее, были крайне многочисленны. В частности, в 1908 г. каждое второе следствие, возникшее у судебных следователей по всем судебным округам, было следствием об имущественных преступлениях (истреблении имущества, насильственном похищении имущества, краже, святотатстве, мошенничестве, присвоении и подлоге).

Согласно архивным документам, в Нижегородском окружном суде рассматривалось 37 % дел о кражах, 12 % – о поджогах, 23 % – о грабежах, 10 % – о растратах, 3% – о завладении чужим имуществом, 4 %– о мошенничестве, 7 % – об истреблении межевых знаков и 4 %– о винокурении. В городских судах было рассмотрено 40 % дел о кражах, 29 % – о поджогах, 24 % – о грабежах, 4 % – о завладении чужим имуществом и 3 % – об истреблении межевых знаков. Характерной чертой указанного периода являлось увеличение количества дел о винокурении, рассматривавшихся в пореформенных судах с участием присяжных.

Неблагоприятная статистика этого периода объясняется ликвидацией общинных отношений и свойственной им круговой поруки, поддерживавшей социально незащищенные слои населения, численность которых в связи с Первой Мировой войной неуклонно возрастала.

Заключение диссертации содержит обобщенные концептуальные выводы и результаты исследования, подтверждающие достижение исследовательской цели.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, указанных в перечне ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Макаренко, Н.Г.* Эволюция понятия имущественных преступлений в русском дореволюционном праве XVIII – начале XX вв. // Проблемы права. Международный правовой журнал. – 2011. – № 1. – с. 119–124. – 0,5 п.л.

2. *Макаренко, Н.Г.* Правовое регулирование субъекта имущественных преступлений в России имперского периода // Проблемы права. Международный правовой журнал. – 2011. – № 2. – с. 168–172. – 0,3 п.л.

3. *Макаренко, Н.Г.* К вопросу о классификации имущественных преступлений в российском праве имперского периода // Современное право. Научно-практический журнал. – 2011. – № 9. – с.152–155. – 0,5 п.л.

В прочих изданиях:

4. *Макаренко, Н.Г.* Понятие объекта преступления в российском уголовном праве имперского периода // Актуальные проблемы гуманитарно-социальных наук: Научные труды. – Сочи, 2010. – с. 194–200. – 0,3 п.л.

5. *Макаренко, Н.Г.* Грабеж и разбой в российском уголовном праве имперского периода (XVIII в. – октябрь 1917 г.) // Проблемы развития российской правовой системы: Сборник научных трудов. Материалы Межвузовской научно-практической конференции (Сочи, 21–22 апреля 2010 г.). – Сочи, 2010. – с. 35–40. – 0,3 п.л.

6. *Макаренко, Н.Г.* Понятие имущественного преступления в русском дореволюционном праве XVIII – начале XX вв. // Европейский исследователь. – Сочи, 2011. – № 1 (3). – с. 105–107. – 0,2 п.л.

7. *Макаренко, Н.Г.* Кража как разновидность имущественных преступлений в российском законодательстве XVIII – начале XX вв. // Европейский исследователь – Сочи, 2011. – № 7 (10). – с. 1076–1078. – 0,3 п.л.

8. *Макаренко, Н.Г.* Мошенничество в российском уголовном праве имперского периода XVIII – начале XX вв. // Проблемы развития российской правовой

системы: Материалы 6-й Всероссийской научно-практической конференции. – Сочи, 2011. – с. 92–97. – 0,3 п.л.

9. *Макаренко, Н.Г.* Присвоение чужого имущества в российском уголовном праве имперского периода (XVIII в. – октябрь 1917 г.) // Проблемы развития российского законодательства на современном этапе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Сочи, 2011. – с. 84–89. – 0,3 п.л.

Общий объем опубликованных работ – 3,0 п.л.

В авторской редакции
Технический и художественный редактор С.П. Никонов

Лицензия ИД № 04436 от 03.04.2001. Подписано в печать 22.02.2012.
Формат 60 x 84/16. Усл. печ. листов 1,75. Тираж 100 экз. Заказ № 27/12

Издательство Арзамасского государственного педагогического
институт им. А.П. Гайдара
607220, г. Арзамас Нижегородской обл., ул. К. Маркса, 36.
Участок офсетной печати
607220, г. Арзамас Нижегородской обл., ул. Севастопольская, 15.

